

В коми языке, а также в близкородственном удмуртском выработалась категория указательного склонения или конечного артикля существительных, функции которого выполняют постпозиционные суффиксы 2-го и 3-го лица ед. числа *-ыд* (-эд) и *-ыс* (-эз), указывая на определенность данного предмета, известность его собеседнику. Исследователи уже отмечали, что определенно-указательные формы употребляются также и для выражения разных стилистических тонкостей коми языка: для выражения данного предмета из числа одинаковых, для придания большей яркости.

Определенно-притяжательные суффиксы коми языка употребляются не только с именами существительными, но и с глаголами, выступающими в роли субстантивированных слов: *А мый аддзётё и катша висьталё* [Юшков 17]. 'А что видит (-то) и со-рока говорит'; с наречиями: *Эн горавыс, керкасьыд садьмёдан* [Юхнин 52]. 'Не кричи громко (-то), разбудишь спящих в доме'; с местоимениями: *Сьёлём ёнтё, мый ог вермы накёдыс тиётти* [Бабин 36]. 'Сердцу больно, что не могу я вместе с ними (-то)'; с послелогами: *Зэв эськё колё сійё энэж шёрас* [Лодыгин 11] 'Очень хочется, чтоб оно (солнце) было в центре (-то) неба' – и с другими частями речи, где они также выполняют функцию выделения, акцентирования.

Указательные суффиксы могут присоединяться и к именам собственным, придавая им нюансы общеизвестности: *Ёна лёсьыд морт тай вёлёма Иван Петровичыс* [Торопов 25]. 'Оказывается, очень хороший человек был Иван Петрович (-то)'. Здесь суффикс *-ыс* при имени собственном подчеркивает, что автор поближе узнал Ивана Петровича после беседы с ним.

Аналогичным же образом оформляются указательными аффиксами собственные имена в удмуртском языке: *рэка Ижэз чэрэз жэл'эзнодорожный мостэз орчыса* [ОУР 163] 'переехал реку Иж (досл. известную нам Иж) по железнодорожному мосту'. Хотя собственные имена, по сравнению с нарицательными, и так уже выделены, постпозиционные артикли пермских языков делают их еще выразительнее.

'Притяжательные аффиксы... сообщают обращению положительную оценку. Отсутствие их часто свидетельствует о нейтральном отношении говорящего к адресату, а иногда и об отри-

цательной его оценке. Повторение притяжательных аффиксов в компонентах распространенных обращений усиливает экспрессию” [Чикобава 1980: 6]: *Эй, гөрд кучик! Сетчы бурөн, зон* [Елькин 24]. ‘Эй, красная шкура, сдавайся добром, парень!’ Здесь враги, обращаясь к красноармейцу с руганью, не употребляют лично-притяжательных суффиксов, чтоб показать свое к нему негативное отношение, как к противнику по классу. *Мамыс вед юалис: көн, тие, ветлін?* [КНП 11: 138] ‘Мать спросила его: “Где ходил, сын мой?”’ *Коньөрөй дай Ванькаой, Кытчө же тэ мөдөдчин?* (фольк.) ‘Бедный (мой), Ванюша (мой), куда же ты собрался?’ В приведенных примерах посессивный суффикс при обращениях служит для передачи участливого отношения говорящего к собеседнику.

В большинстве уральских языков посессивность выделяется морфологически, которая принимает характер стилистического выделения. Напр., в финском слово, оформленное суффиксом, обычно имеет ярко подчеркнутое значение в сравнении с именем без суффикса, которое утрачивает свое индивидуальное значение, превращаясь в общее понятие: *lohiostaja* – человек, занимающийся покупкой семги, а *lohen ostaja* – покупатель одной известной семги. Здесь номинатив и генитив имеют разную степень выражения определенности и конкретности, проявляя соответственно виртуальное или актуализированное значение [Ravila 1945: 325]. И в селькупском языке, как правило, в обозначении притяжательных отношений с определением, выраженным именем существительным в основном падеже, конкурируют определения, выраженные родительным падежом или адъективной формой: *qodet li* ‘ребро’ (букв. ‘бок – кость, бока кость, боковая кость’). Именем существительным в основном падеже обозначается нейтральная характеристика, при замене имени в основном падеже адъективной формой подчеркивается качественный признак предмета, формой родительного падежа передается определение по принадлежности [Ким 1987: 143]. В коми языке подобная дифференциация также стилистически оправдана: на уровне максимального внешнего контекста конструкции определительного типа с номинативом могут проявлять принадлежное значение. Напр.: *Ми ордө талун локтис Ваня дядьыскөд.* ‘К нам сегодня пришёл Ваня с дядей’. *Ме косья юасьыштны Ваня дядьлысь Кубаё ветлём йылысь.* ‘Я хочу расспросить у Ваниного дяди (досл. у дяди

Вани) о поездке на Кубу'. Здесь значение словосочетания *Ваня дядьлысь* 'у Ваниного дяди' уже обусловлено первым предложением, где сообщается, что пришел не дядя Ваня, а Ваня с дядей (своим). Поэтому номинатив выражает не определительные отношения, как это имеет место на уровне минимального и среднего внешнего контекста, а притяжательные, отсюда появляется возможность опущения маркера генитива [Некрасова 1987: 68].

Посессивностью обладают имена прилагательные, образованные от существительных с помощью суффиксов: *-а*, *-ёсь*: *йыла* 'имеющий вершину', *йыв* 'вершина', *пызьёсь* 'покрытый мукой', *пызь* 'мука'.

Располагаясь рядом, слова с посессивными суффиксами последовательно характеризуют определяемое слово и сообщают высказыванию большую экспрессию: *Кузь трубаа кока Тыыналё тан кар* [Мишарина 52] 'Дымит здесь город на ногах из высоких труб (досл. трубоногий город)'.

Посессивными являются и имена существительные, возникшие путем субстантивации посессивных прилагательных с суффиксом *-а* [Ravila 1974: 111] в результате утраты второго компонента определительной конструкции, напр. *бёжа* – иж. 'горноста́й (досл. 'имеющий хвост')', *бёжа немёс* 'животное с хвостом', *йёра* 'лось (досл. 'имеющий забор на голове')', *лола* 'лось (досл. 'имеющий душу')' и др.

Однако посессивными эти существительные можно назвать лишь условно, поскольку прежняя посессивная семантика в них ощущается довольно слабо. В семантике субстантивированных посессивных прилагательных происходит качественное изменение: их значение специализируется, приобретает терминологические характеристики и оказывается несводимым только к признаку 'имеющий что-либо, снабженный чем-либо' [Колпакова 1988: 160].

Формы с определительно-указательными суффиксами *-ыд* и *-ыс* могут замещать друг друга. Однако суффикс 2-го л. индивидуального обладания *-ыд* придает слову, к которому он присоединяется, большую отвлеченность в сравнении с суффиксом 3-го л. единственного числа *-ыс*, подобно тому, как в обобщенно-личных предложениях главный член в форме 2-го л. ед. ч. придает всему сообщению расширенное значение: *Мый кóдзан, сйёс и вундан* (КПП 50). 'Что посеешь, то и пожнешь'. Определительно-

указательные формы с суффиксом *-ыд* в стилистическом плане выразительнее форм с морфемой *-ыс*: *Кöни сöмын абу уджавлöма: көрт туй вылад и, экспедицияд и, шахтаад и, гашкö, кызьлаын кымын!* [Юшков 203] 'Где только он не работал: и на железной дороге, и в экспедиции, и в шахте, может быть, в двадцати местах'. Суффикс 2-го л. ед. числа в существительных *көрт туй вылад* 'на железной дороге', *экспедицияд* 'в экспедиции', *шахтаад* 'на шахте' придает сообщению оттенок неконкретности, раздвижения рамок времени и пространства: на какой-то железной дороге, в какой-то экспедиции, на какой-то шахте, т. е. вероятно где, и определенно очень далеко от этих мест.

Постановка суффикса 3-го л. в этих словах, наоборот, сделала бы эти обстоятельства уточняющими: именно на этой железной дороге, именно в этой экспедиции, именно на этой шахте. Использованием суффикса 2-го л. автор достигает большей выразительности в изображении легкомысленного человека, ищущего легкий хлеб. Без определенно-указательного суффикса 2-го л. эти названия рабочих мест звучали бы нейтрально, в них не чувствовалось бы явное осуждение автором своего героя.

В наибольшей степени характер указательности посессивный суффикс 2-го л. ед. числа *-ыд* проявляет в тех случаях, когда он сопровождает существительные, определяющие говорящего: *Ме öд бур көсья тэныд да сийön сідзи менам, йöйыдлön артмис* [Федоров 22]. 'Я ведь добра желаю тебе, поэтому и так у меня, глупой (досл. 'у твоей глупой') получилось'. В примерах подобного типа суффикс *-ыд*, обозначающий обобщенное лицо собеседника, подчеркивает уничижительное отношение субъекта речи к самому себе.

Притяжательные суффиксы используются как важное средство в публицистической речи. С их помощью автор активно воздействует на сознание читателя: *Мийö кө асьным, коми войтыр, медводз огö пондö дорйыны чужан мунымöс, асьыным парманымöс, сэк кодi нö доръяс сийöс* [Торопов 18]. 'Если мы, коми люди, сами не будем защищать нашу тайгу, кто же ее тогда защитит?'

В этом примере писатель четыре раза приводит слова с притяжательными суффиксами 1-го л. коллективного обладания *-ным*: *асьным* 'мы сами', *мунымöс* 'нашу землю', *асьыным* 'нашу собственную', *парманымöс* 'нашу тайгу'. Суффикс *-ным* в этом контексте не воспринимается тавтологией, он, многократно

повторяясь, заставляет читателя задуматься над тем, что волнует автора.

Было уже упомянуто, что посессивные аффиксы могут быть и при служебных частях речи, когда они так или иначе выступают в качестве знаменательных: *Нинӧм ӧні меным верӧс сайсьыс* [Юшков 18]. 'Ни к чему теперь мне выходить замуж'. Вместо *верӧс сайӧ петӧмысь* 'от выхода замуж' автор использует форму *верӧс сайсьыс* досл. 'из замужа', опуская отглагольное слово *петӧм* 'выход'. Использованием эллиптической конструкции говорящий показывает свое пренебрежительное отношение к предмету речи. Выражение эмоций, оценки и экспрессивности, а также функционально-стилистической коннотации осуществляется за счет нарушения привычных грамматических валентностных связей [Арнольд 1981: 138].

Итак, посессивные суффиксы пермских языков обладают способностью быть использованными в роли артиклей. Детерминированное употребление этих аффиксов придает высказыванию большую определенность. Десемантирование принадлежностных суффиксов придает субстантивированным словам, используемым без определяемых компонентов, стилистически нейтральный, терминологический характер.

Библиографический список

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка — стилистика декодирования. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.

Бабин В. Кывбур // Войвыв кодзув. Сыктывкар, 1987. № 6.

Елькин В. И. Шуд вӧсна. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. 80 л. б.

Ким А. А. Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1987. 216 с.

КНП — Коми народные песни. Собрали Микушев А. К., Чисталев П. И., Рочев Ю. Г. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 180 с.

Колпакова Н. А. Выражение посессивности в венгерском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987. 203 с.

Лодыгин В. Г. Ставыс на водзын. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. 80 л. б.

Мишарина А. П. Кывбурьяс // Войвыв кодзув. 1984. № 10.

Некрасова Г. А. К проблеме семантики пермских падежных коаффиксов // СФУ. 1987. XXIII. С. 28–33.

ОУР – Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи. Ижевск: Удмуртия, 1982. 248 с.

Торопов И. Г. Ме верма, батьö: Повестьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. 334 л. б.

Чикобава А. Историзм и лингвистика // ВЯ. 1980. № 6. С. 3–12.

Юхнин В. В. Алöй лента. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 458 л. б.

Юшков Г. А. Ловъя лов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 528 л. б.

Molnár F. A permi nyelvek szóvégi magánhangzóinak történetéről // NyK. 1974. 76. № 1-2. 77–118 old.

Ravila P. Suomalais-ugrilaisten kielten taivutuksen historiaa // Virittäjä. 1945. S. 314–326.